

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

С.М. Маркедонов

Постсоветское пространство: распад или сохранение?

Статья посвящена трансформации постсоветского пространства за четверть века после распада СССР. Автор анализирует само это определение, правомерность его использования в описании процессов, происходящих на территории некогда единого государства. Особое внимание уделяется взаимосвязи внешнеполитической динамики и национально-государственного строительства в новых независимых государствах, возникших в 1991 г.

Ключевые слова: постсоветское пространство, этнополитический конфликт, национальное строительство, безопасность.

Прощание с дефиницией?

Прошло более двух с половиной десятилетий после распада СССР. Однако словосочетание «постсоветское пространство»¹ по-прежнему активно используется в экспертном и политическом дискурсе, несмотря на попытки заменить его каким-то другим определением, будь то «новые независимые государства» (ННГ) или «Евразия»².

На первый взгляд понятие «постсоветское пространство» накрепко привязано к состоянию транзита. Оно фиксирует некую реальность, которая появилась после распада единого государства. Но за время, прошедшее с того момента, эта реальность значительно изменилась. И она на глазах продолжает меняться. В конце концов, применительно к Индии, Пакистану, Бангладеш или Нигерии не использовалось определение «постбританское пространство», а к Индокитаю или Алжиру – «постфранцузское».

На карте мира появились 15 независимых государств. Каждое из них сумело пройти сложный путь национального строительства и международной легитимации. За истекший период то пространство, которое до 1991 г. было Советским Союзом, сильно фрагментировалось. Одни бывшие союзные республики стали членами НАТО и ЕС, другие пытаются предложить альтернативу евроатлантическому проекту в виде евразийской интеграции.

Распад СССР прошел отнюдь не в строгом соответствии с границами, сформированными в советский период. Многие ННГ (включая Россию) столкнулись с сепаратистскими вызовами и пережили этнополитические конфликты, в результате которых появились де-факто образования, либо получившие ограниченное международное признание, либо не имеющие его вовсе³. В российском же случае имел место сложный и противоречивый опыт интеграции непризнанной республики, бывшей в течение шести лет вне юрисдикции центральной власти⁴.

Как бы то ни было, к настоящему времени изначальные условия роспуска единого государства, обозначенные в Беловежских соглашениях и Алма-Атинской декларации 1991 г., не адекватны действительности⁵. Принцип нерушимости межреспубликанских границ был уже не единожды нарушен. Созданы прецеденты признания независимости не только бывших союзных, но и автономных образований (Абхазия и Южная Осетия), а также смены юрисдикции территории одной страны в пользу другой (Крым).

Новые государственные образования находятся в непростых (а то и в откровенно враждебных) отношениях друг с другом и, прежде всего, с центром бывлой концентрации военной, экономической и политической мощи, который теперь олицетворяет Российская Федерация как правопреемник СССР. У четырех из пятнадцати бывших республик Советского Союза нет дипломатических отношений друг с другом (у Армении и Азербайджана, России и Грузии). Неурегулированные пограничные споры отравляют отношения практически всех государств Центральной Азии. И хотя формально РФ и Украина не прерывали дипломатического общения, их отношения к настоящему времени спустились на самую низкую отметку за все время, прошедшее с декабря 1991 г.

За четверть века после распада единого государства бывшим союзным республикам не удалось реализовать эффективных интеграционных проектов. Содружество независимых государств так и осталось «инструментом цивилизованного развода»⁶. Оно не смогло стать ни модератором в процессе урегулирования конфликтов, ни ресурсом для экономической интеграции. Внутри Организации

Договора о коллективной безопасности сохраняются расхождения между странами-членами во взглядах на нагорно-карабахское урегулирование⁷. Евразийский экономический союз сегодня выглядит скорее как заявка на интеграцию некоторых из республик бывшего СССР (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России).

ННГ в большей степени интегрированы в мировую экономику и политику. Свои интересы на просторах бывшего СССР обозначили такие важные международные игроки, как США, Европейский союз (и отдельные страны Европы), КНР, Япония, Турция, Иран, интеграционные структуры (НАТО), транснациональные корпорации. При этом их присутствие детерминировано не только устремлениями самих этих игроков. В участии внешних сил по тем или иным причинам свою выгоду видят и новые национальные элиты, возглавляющие свои страны в последние два десятилетия. Как следствие, территория некогда единого государства превратилась в конкурентную площадку.

Общее историческое прошлое, связывавшее народы СССР, перестало играть роль объединяющего фактора. Напротив, как показали события на Украине, в Молдове или Закавказье, оно становится предметом острых споров и «войн памяти», которые далеко не всегда ограничиваются академическим и журналистским форматом.

В связи с этим возникает резонный вопрос: до какого времени будет актуально говорить о государствах с разными идентичностями, моделями национально-государственного строительства, внешнеполитическими интересами и ценностями как о чем-то едином, связанном границами «постсоветского пространства» и основанной на этом определении сконструированной общностью? В условиях, когда для воссоздания единого государства нет предпосылок, не говоря уже о том, что такое гипотетическое образование не может строиться на советской экономической, политической и идеологической основе. И не проще ли если не сегодня, то завтра сдать в архив концепт как не отвечающий современным реалиям?

Постсоветское и советское начала: неразрывная связь

Думается, что ответы на обозначенные выше вопросы не так просты и однозначны, как кажутся на первый взгляд. Прежде всего потому, что единство постсоветского пространства нельзя отождествлять с политическим единством стран, его представляющих.

Однако, несмотря на значительную фрагментацию пространства, некогда бывшего единым, и острые конфликты внутри него, оно по-прежнему сохраняет связь с советским прошлым, нравится это последовательным борцам за идеалы «декоммунизации» или нет. Словом, «постсоветское пространство» не может быть рассматриваемо в отрыве от советского контекста.

Действительно, в декабре 1991 г. с карты мира исчезло государство, занимавшее одну шестую часть суши. Формально-юридически распад СССР завершился. Но исторически процесс распада советской государственности только начался, поскольку он дал старт формированию новых государственных образований и политических наций, которое до сих пор продолжается. Об этом свидетельствуют неурегулированные конфликты в Донбассе, Приднестровье, Нагорном Карабахе, параллельная политико-правовая реальность Абхазии, Южной Осетии и Крыма (Россия признает независимость двух бывших автономий Грузинской ССР и присоединяет к себе автономию в составе Украины, а Тбилиси и Киев говорят об аннексии и оккупации своих территорий РФ).

И вопрос здесь не только и не столько во вмешательстве Москвы, Вашингтона или Брюсселя, а в способности новых государственных элит к неконфликтному национальному строительству, адекватному интересу различных этнических групп и регионов. Между тем эти элиты, несмотря на публичную риторику по поводу разрыва с прошлым, оказались в плену советских подходов и моделей.

Союз ССР рассматривался как государство, главными субъектами которого выступали не граждане, а социалистические нации. Фактически же советское государство определило этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права. Не права отдельного человека, а права наций рассматривались как приоритетные. Этнические различия советских граждан были закреплены на территориальной основе. При этом число этнических групп, обладающих правом на «свою землю», варьировалось в зависимости от «колебаний генеральной линии партии».

На практике это означало формирование представлений о коллективной (этнической) собственности того или иного этноса (в своей высшей фазе – национальной) на территорию, обозначенную как «национальная республика», «автономия в составе национальной республики», и даже на этнически сконструированные районы. Отказ от индивидуальных прав в пользу коллективных создавал, таким образом, предпосылки для формирования этнонациональных движений за самоопределение будущих независимых государств, вызревания конфликтных очагов

и появления непризнанных республик. По справедливому замечанию американского этнолога русского происхождения Юрия Слезкина, «СССР создавался националистами и был разрушен националистами»⁸. Еще в 1924 г. известный литовский большевик Юозас Варейкис предложил блестящую формулу для описания того, чем был СССР, назвав «первое в мире государство рабочих и крестьян» «коммунальной квартирой»⁹, которую многократно перестраивали путем административно-территориальных преобразований (а нередко и депортаций целых народов).

По мере ослабления интеграционного потенциала Советского государства и кризиса интегрирующей идеологии начался процесс этнонационального самоопределения республик, его составляющих. Однако процесс распада единого государства происходил не на основе правовых подходов (которые бы четко фиксировали противоречия внутри его субъектов, между ними, а также пути их решения), а из соображений политической целесообразности. При этом, расставаясь с СССР, ННГ явно не желали отказываться от такого наследия «империи Кремля», как проведенное ей территориальное размежевание и доставшиеся границы. Получался парадокс. Власти и влияния Москвы новые образования не желали, а построенную с помощью союзного центра территорию были готовы принять, но без выработки принципиально новых (не советских и не имперских) механизмов обеспечения целостности и национального единства. Как следствие, кризис легитимности (отказ от восприятия нового государственного проекта как «своего» частью населения), переход к конфронтационной модели разрешения этнополитических споров (но уже без ресурса союзного центра, который мог бы выступать в роли арбитра). Отсюда же и интерес к вовлечению внешних игроков, на которых возлагалась надежда на помощь в «восстановлении территориальной целостности» в ее советской (!) конфигурации.

«Сборка» государства и помощь извне: издержки или приобретения?

Так было в конце 1990-х годов с руководством Грузии, разочаровавшимся в возможности вернуть контроль над территориями бывшей Юго-Осетинской автономной области и Абхазской АССР и выбравшим НАТО в качестве своего стратегического партнера. Схожим образом дрейфовала Молдова, утратившая контроль над Приднестровьем, с той лишь разницей, что в фокусе ее внимания

была кооперация с ЕС, но не с Североатлантическим альянсом. Так сегодня во многом по аналогичным лекалам действует Украина, отказываясь от внеблокового статуса и наращивая партнерство с Западом в своем стремлении восстановить контроль над Донбасом и Крымом. Особая статья – это позиция Азербайджана, который пытается добиться решения нагорно-карабахского конфликта с выгодой для себя, не противопоставляя свои подходы ни России, ни Западу, а напротив, балансируя между ними.

В любом случае государства, вовлеченные в этнополитические конфликты, пытаются добиться нужного для себя результата не столько с помощью качественного переосмысления собственного национально-государственного строительства и диалога с теми, кто де-юре считается их гражданами, сколько путем приобретения выгодного внешнего союзника, который может добавить свои ресурсы для возможного изменения существующего баланса сил. Таким образом, внешнеполитический выбор определяется не столько ценностными измерениями, сколько стремлением укрепить новую государственность не изнутри, а извне. Если это не получается сделать с помощью Москвы, то актуализируются взаимоотношения с Западом. Результатом является минимизация собственной политической субъектности и фактическая отдача вопроса о будущей территориальной конфигурации государства на откуп внешним силам (будь то Россия, США или Евросоюз). Новые независимые образования становятся тем самым заложником динамики этих отношений, которые, несмотря на фрагментацию национальных интересов ННГ, фокусируются вокруг конфликтных узлов, завязанных еще во времена СССР.

При таком повороте раздел общего советского наследия перестает быть делом одних лишь «наследников». И если Москва заинтересована в том, чтобы доведение распада Советского Союза до логического конца (когда все стороны уладят свои пограничные претензии и смогут перейти к налаживанию если не добрососедских, то прагматических отношений) было «внутренним делом» бывших союзных республик, то многие ННГ заинтересованы в участии внешних игроков. В последнем заинтересован и Запад, опасющийся «ресоветизации», понимаемой весьма широко (не только и не столько как коммунистический реванш, но и как установление российской сферы политического влияния, неподконтрольной США и их союзникам).

Эти разночтения придают разделу советского наследства дополнительную конфликтность и тем самым задерживают завершение исторического процесса распада СССР, в котором Запад

по идее должен быть крайне заинтересован, но который он своим вмешательством всячески отдаляет. Более того, эта конфликтность позволяет привнести дополнительные импульсы существованию «постсоветского пространства», поскольку без урегулирования имеющихся противостояний и противоречий оно будет на годы вперед сохраняться как некая общность. Общность стран, объединенных неразрешенными конфликтами, противоречиями, не позитивной, а негативной исторической памятью, корни которых следует искать по преимуществу в советских временах.

И до тех пор, пока наследники некогда единого государства будут пытаться осуществить «сборку» своих новых национально-государственных проектов в границах бывших союзных республик без выработки новых адекватных современности подходов, ставя территорию и принцип «целостности» выше населения и его прав, окончание «постсоветской стадии» будет раз за разом откладываться. Более того, попытки вовлечь в процесс «собираания земель» новых внешних игроков будут не уменьшать, а мультиплицировать риски.

Следовательно, укрепление собственной субъектности и выстраивание прагматических отношений новых национальных элит с бывшей «метрополией» становятся главным залогом завершения процесса распада СССР и «постсоветского транзита». В ином случае «постсоветское пространство» на годы сохранится как территория, воспроизводящая нестабильность. Расчет же на ослабление России, ее коллапс или, как минимум, деградацию – не самое лучшее решение, как того хотелось бы оппонентам политики Москвы. Один только Северный Кавказ с его многочисленными межэтническими и межконфессиональными противоречиями способен на долгие годы обрушить надежды на быструю «европеизацию», не говоря уже о проблемах контроля над ядерными вооружениями РФ. При таких исходных данных сохранение сильной и ответственной России, способной играть роль модератора в этнополитическом урегулировании и конечной стабилизации пространства бывшего СССР, выгодно не с абстрактной, а с прагматической точки зрения.

Примечания

- ¹ Это определение было введено в оборот востоковедом А.А. Прусаускасом. Подробнее см.: *Прусаускас А.А.* СНГ как постколониальное пространство // Независимая газ. 1992. 7 февр.
- ² *The Dissolution of the Soviet Union: 25 years on.* Oxford: Routledge, 2016; *Asmus R.* Europe's Eastern Promise. Rethinking NATO and EU Enlargement // Foreign

- Affairs. 2008. № 1 (Jan./Feb.). P. 15; *Bremmer I., Bailes A.* Sub-regionalism in the Newly Independent States // *International Affairs*. 1998. № 74. Vol. 1. P. 131–148; *Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity* / Ed. by O. Tulander, P. Baev, V.I. Einagel. L.: SAGE, 1997. P. 17–44.
- ³ *Маркедонов С.М.* Де-факто государства постсоветского пространства. Ереван: Ин-т Кавказа, 2012.
- ⁴ *Huges J.* Chechnya: From Nationalism to Jihad. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2007.
- ⁵ Текст Беловежских соглашений см.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1798; Алма-Атинская декларация, 21 декабря 1991 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900101> (дата обращения: 03.02.2017); Экономический суд СНГ: Решение о толковании по запросу о применении положений соглашений и других актов Содружества, 31 марта 1994 г. [Электронный ресурс] // Сайт Экономического суда Содружества независимых государств. URL: http://www.sudsng.org/download_files/rh/1994/Rh_02_94_310394.pdf (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁶ С. Лебедев в интервью ТАСС рассказал об итогах юбилейного саммита СНГ в Бишкеке [Электронный ресурс] // Сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6803> (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁷ Президент Армении выразил недовольство позицией некоторых членов ОДКБ в связи с карабахским конфликтом [Электронный ресурс] // Радио Азатутюн. 2014. 6 окт. URL: <http://rus.azatutyun.am/a/26623578.html> (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁸ *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.
- ⁹ *Ibid.* P. 431.